

Г. Еганов

Экономгеография Хентингтона на службе американского империализма

За границей, в частности в Соединенных Штатах, издается большое количество экономической литературы, в которой очень часто авторы обращаются к образу жизни нашей страны. Одна часть ученых стремится понять причины тех невиданных свершений, которые пережила наша Родина после Великой Октябрьской социалистической революции. Ведь, действительно, темпы роста нашей промышленности, сельского хозяйства, культуры настолько велики, что для многих зарубежных ученых, даже прогрессивно настроенных, долгое время был непонятен этот блестящий скачок из полуфеодального состояния в страну передовой культуры и техники.

В то же время еще довольно-таки многочисленная прослойка буржуазных ученых — явных апологетов империализма, встретившая в штыки Великую Октябрьскую социалистическую революцию, не только не хочет видеть тех разительных изменений во всех областях нашей жизни, которые стали возможны благодаря победе социалистических производственных отношений, но и сознательно искажает реальную действительность. Даже при самом беглом ознакомлении с „творениями“ подобного рода авторов бросается в глаза недопустимая вольность в использовании фактов, искусственное притягивание их для обоснования того или иного нужного им положения, фальсификация исторических событий в целях вящей убедительности своих выводов, основанных по сути дела на песке.

Немалую услугу оказали и продолжают оказывать своим империалистическим хозяевам представители так называемого географического направления в социологии. Это архиреакционное направление в буржуазной экономической науке до сих пор является одним из мощных оружий в руках наиболее агрессивно настроенных кругов капиталистического мира. Используя это воинствующее течение в буржуазной социологии, акулы империализма стремятся низвергнуть идеологию пролетариата, смазать классовые противоречия внутри капиталистических стран.

Среди подобного рода ученых выделялся немецкий географ Фридрих Ратцель. Его идеи впоследствии обильно использовали самые архиреакционные представители современной буржуазной социологии, начиная от немецких фашистов и кончая нынешними идеологическими оруженосцами американского империализма. В своих работах

„Антропогеография“ и „Политическая география“ он заложил основы того духа беспринципности, который характерен ныне для его последователей. В эту плеяду, возглавляемую Ратцелем, входят английский географ Хальфорд Маккиндер, шведский географ Рудольф Челен, немецкий географ Альфред Геттнер, немецкие ученые Науман и Гартунг, английский географ Дикс и другие. Наиболее рьяными их последователями являются немцы Гаусгофер, Обст и Мауль, американские геополитики Роусек, Вейгерт, Уэлш, Хентингтон, Спикмен, Уэллер и многие другие. Характерно, что географический детерминизм, вульгарный географизм, геополитика и всякого рода другие человеконенавистнические теории пышным цветом распускаются в тех странах, где правящие круги одержимы военным психозом. Так было в Германии в период господства гитлеровских фашистов, так сейчас центр подобной „научной“ мысли обосновался в Соединенных Штатах.

В целях оправдания своих идеологических бреден, апологеты империализма прибегают к выдумыванию разного рода „теорий“ и „направлений“, которые разнятся друг от друга лишь в деталях, в принципе же все они лишь соревнуются в одном — кто убедительнее, „научно“ защитит капиталистические порядки и „научно“ обоснует неизбежность и вечность буржуазных производственных отношений.

Одним из модных современных направлений в буржуазной географии, имеющим особое хождение среди американских географов, является энвиронментализм (от английского слова „environment“ — окружение, среда), являющийся не чем иным, как одной из сторон географического детерминизма. Само название этого направления указывает на его суть — предпочтение географическим факторам в развитии человеческого общества, но отнюдь не экономическим.

Типичным представителем этого направления в американской буржуазной географии является Элсуорт Хентингтон. Его взгляды и приемы, применяемые им для обоснования своих теоретических построений, типичны для большинства его коллег по служению королям могущественного в их глазах капитала. Взращенный в таких учебных заведениях, какими являются Гарвард и Йель, снискавшие себе известность как махровые рассадники буржуазной идеологии, Хентингтон всю свою жизнь верой и правдой служил своим империалистическим хозяевам. В конце прошлого и на заре нынешнего столетий, когда он только вступил на поприще научной деятельности, в его трудах еще чувствовалась видимость исследовательской работы. Он путешествует по Малой Азии, Китаю, Туркестану, Палестине, позднее по Соединенным Штатам, Мексике и Центральной Америке, в результате чего написал ряд специальных работ по климатологии („Исследование Туркестана“, „Климатические изменения“ совместно с С. С. Вишером, „Земля и солнце“ и ряд других). Однако уже в этот период заметны были в нем тенденции откровенно апологетического характера. Он на основе климатических данных все яснее делает выводы,

которые уже на закате его деятельности были доведены до абсурда. А специально климатологией он перестал заниматься много лет назад.

Трудно, просто невозможно согласиться с тем, что Хентингтон на основе изучения климатических условий ряда стран был в состоянии добросовестно прийти к тем выводам, которые он с годами все навязчивее пропагандирует в своих книгах. Выдвижение климатических условий в ранг явлений, решающим образом влияющих на судьбы человечества, попросту показалось ему наиболее подходящим методом для безудержной защиты капитализма вопреки истории, вопреки фактам и даже вопреки самой элементарной логике. Иначе как можно еще объяснить, что в тех своих книгах, где он пытается показать доминирующую роль климата в исторических изменениях, человеческой активности и распределении цивилизации, он меньше всего заботится о научной убедительности своих доводов—он попросту заявляет, в лучшем случае приводит такие факты в подкрепление своих выводов, которые только приводят в недоумение и, разумеется, ничего не доказывают. Сопоставляя подобные заявления Хентингтона с действительным положением вещей, мы ниже попытаемся показать всю несостоятельность, апологетичность его вздорных писаний. Мы приведем пример, показывающий вопиющую беспринципность Хентингтона в его устремлениях быть цельным в своих теоретических построениях. На протяжении всей своей научной деятельности и в особенности в своих книгах, изданных после Великой Октябрьской социалистической революции, Хентингтон все упорнее убеждал читателей в том, что Советский Союз абсолютно не подвержен тем благотворным категориям климата, которые согласно его концепции стимулируют человеческую активность, ведут к экономическим успехам и к вершинам цивилизации. Но вот силами народа, которого Хентингтон на протяжении всей своей жизни считал недостаточно „активным“, была спасена во второй мировой войне та человеческая цивилизация, о которой так печется Хентингтон, от гитлеровских изуверов. Этого всемирно-исторического подвига советского народа Хентингтон не заметить не мог. Но как он его объясняет в своей книге „Движущие силы цивилизации“. „Почти все были удивлены тем,— пишет он,— как хорошо воюет Россия во второй мировой войне. Вначале большинство думало, что она будет разбита в три месяца. Многие полагали, что она сможет сопротивляться Германии более года...“ и причину победы нашего народа над гитлеровцами он видит... в потеплении климата СССР¹.

В течение более чем сорока лет своей деятельности Хентингтон выпустил много книг уже не специально-климатологического, а социально-экономгеографического характера. Это „Пульс Азии“, „Климатический фактор“, „Цивилизация и климат“, „Характер рас“, „Пульс прогрес-

¹ См. „Буржуазная география на службе американского империализма“, М., 1951, стр. 81.

са", „Принципы экономической географии“, „Экономическая и социальная география“, „Основы географии человека“, „Движущие силы цивилизации“ и другие. В этих книгах он этап за этапом все совершеннее подгонял свои научные выводы под обоснование политики американского империализма, безудержно восхвалял американский образ жизни, с пренебрежением рассказывал о народах, которые не совсем согласны с тем, что Соединенные Штаты являются земным раем.

Понимая, что географический детерминизм все больше теряет своих поклонников, он примкнул к энвиронментализму. Со временем Хентингтон, наряду с основательницей этого направления американкой Эллен Симпл, становится одним из его столпов.

Энвиронментализм позволяет ему, так же, как и другим представителям этого направления, обходить наиболее острые моменты развития человеческого общества и любыми средствами оправдать не только незыблемость и разумность вечного существования капиталистической системы, но и попутно выставить в наиболее благоприятном свете отдельно взятую капиталистическую страну, как это делает Хентингтон в отношении Соединенных Штатов Америки.

Как и все географические детерминисты, Хентингтон в развитии человеческого общества отдает предпочтение географической среде, окружающим природным условиям. В самой же географической среде он особо выделяет климат с его составными частями — температурой, влажностью, причем подчеркивается первостепенное значение температуры. Уже после этих „климатических лимитов“, которые по Хентингтону играют решающую роль в жизни людей, следуют солнечный свет, рельеф, почвенные условия и т. д. „Закон о лимитах, — пишет Хентингтон, — является одним из главных принципов географии“¹. В своей книге „Основы географии человека“ он утверждает, что „жители циклонических районов изобретают и строят машины, возводят крупные электростанции и изготавливают промышленные товары. Они строят железные дороги... и гавани во всех странах. Сверх того, они правят миром“².

Но теперь попытаемся рассмотреть за чем нужно Хентингтону придавать климату (температуре, влажности) такую роль в развитии человеческого общества, которую он никогда не играл и не мог играть. Цель, которую преследует Хентингтон, проступает со всей очевидностью буквально с первых же страниц его книг. Она заключается главным образом в том, чтобы доказать, что капиталистические страны и прежде всего Соединенные Штаты достигли высокого уровня в развитии промышленности, сельского хозяйства и культуры потому, что такое развитие стимулировалось „климатическими лимитами“. Причем сразу вызывает подозрение то обстоя-

¹ См. Я. Г. Фейгин, Размещение производительных сил при капитализме и социализме, М., 1954, стр. 128.

² E. Huntington, Principles of Human Geography, pp. 448, 474.

тельство, что „климатические лимиты“ благоприятны и благотворно отражаются на развитии экономики и культуры тех стран, по отношению к которым Хентингтон положительно настроен, а настроен он положительно к тем странам, как это явствует из всех его произведений, которые так или иначе находятся в фарватере политики Соединенных Штатов. Такого рода нарочитость особенно видна, когда он рассматривает прибалтийские республики — Латвию, Литву и Эстонию, политический климат которых до определенного момента приходился по душе Хентингтону, а впоследствии вдруг этот климат его предательски „подводит“. В отношении этих стран особенно явственно видны устремления Хентингтона во что бы то ни стало дать понять, что в конце концов климатические условия могут быть изменены с изменением политических факторов в данной стране. Короче, по Хентингтону получается, если та или иная страна верна капиталистическим порядкам, то в таких странах климат определенно хорош, и, наоборот, если народы тех или иных стран порвали раз и навсегда с капитализмом, колониализмом и стремятся вести независимую политику, то, несомненно, Хентингтон пытается объяснить это исключительно неблагоприятными климатическими условиями. Действительно, в данном случае с Эстонией, Латвией и Литвой Хентингтон оказался в очень затруднительном положении. Ведь как быть со странами, руководителями которых вплоть до 1940 г. очень благожелательно относились к Соединенным Штатам. Здесь на помощь Хентингтону приходит его каучуковая схема в науке, которая не обязательно предполагает вдаваться в историю. Разве нельзя остановиться и сказать о том периоде в истории, когда климат этих стран приходился по душе Хентингтону. Но если даже согласиться с Хентингтоном, что в книгах по географии исторические экскурсы не обязательны, то по крайней мере географ должен отразить то положение в странах, которое существует к моменту выхода в свет книги. Однако в книге „Основы географии человека“, вышедшей пятым изданием в 1940 г. и переизданной в 1946 г., изменения, происшедшие в жизни человечества за этот период, внесены произвольно и далеко не полно, хотя автор в предисловии к пятому изданию подчеркивает, что „в этом издании сделано больше изменений, чем в других. Приблизительно половина материалов новые“¹. И действительно, таковые изменения внесены, но они внесены строго в тех местах, где эти новые факты не противоречат научной концепции Хентингтона. А вот великие исторические изменения в республиках Прибалтики, происшедшие в эти годы, не нашли никакого отражения на страницах книги. Оказывается, что эти республики да и Польша в 1940 г. и даже в 1946 г. все еще составляли „линию буферных государств, отделяющих Западную Европу от Советской Республики“². И, естественно, ни слова нельзя найти о

¹ E. Huntington, Principles of Human Geography, p. VI.

² Там же, стр. 160.

том, что прибалтийские республики по воле своего народа еще в 1940 г. вошли в состав СССР в качестве союзных советских социалистических республик. Отказавшись от признания этих республик советскими, Хентингтону приходится говорить об этих странах в прошедшем времени. Он пишет, что „Балтийские государства были частью старой России, в которых прогресс был велик. Таллин (Ревель) в Эстонии, Рига в Латвии... и даже Вильна, которую Литва называет своей столицей, были намного более индустриально развиты, чем русские города на востоке“¹. „Расцвет и прогресс“ в этих странах по Хентингтону был обусловлен тем фактом, „что урожаи там были более продуктивными, чем на востоке“². Трудно определить, чего здесь больше — научного невежества или сознательной фальсификации действительного положения вещей.

Вся эта подтасовка фактов нужна Хентингтону для показа того, что пока в этих странах был благоприятный для Соединенных Штатов политический климат, „климатические лимиты“ способствовали развитию промышленности, сельского хозяйства и культуры этих стран. Он пишет далее, что преимущества балтийского побережья проистекают от климата, который более океаничен (влажен), чем на востоке, и еще лучше влияет на людей и сельское хозяйство. Не признавая прибалтийские республики составной частью СССР, Хентингтон сравнивает те или иные показатели в этих странах только с Россией и Москвой. Это, видимо, делается Хентингтоном в целях противопоставления народов прибалтийских республик народам нашей страны, показа выгоды того положения, когда эти страны находились в финансово-экономических сетях американского капитала.

Чтобы окончательно стало ясным насколько недобросовестно подходит Хентингтон к рассмотрению положения прибалтийских республик, следует проследить как в действительности шло развитие экономики и культуры в одной из прибалтийских республик — Латвии. С развитием капиталистических производственных отношений в России стала бурно развиваться капиталистическая промышленность во многих крупных городах Российской империи, в том числе и Латвии, которая была составной частью России. Бурное развитие индустрии в Латвии и в особенности в Риге было вызвано отнюдь не благоприятной температурой воздуха или его влажностью, а ускоренным развитием производительных сил. Это развитие стимулировалось, конечно, не „климатическими лимитами“, а тесной связью латвийской экономики с обширным российским рынком. Нельзя, разумеется, отрицать важную роль географического местоположения Риги, как морского порта, через который совершались значительные торговые операции бывшей царской России, но верно и то, что не это географическое положение играло определяющую роль в развитии эконо-

¹ E. Huntington, Principles of Human Geography, p. 160.

² Там же.

мики Латвии. Это становится особенно наглядным, когда Латвия после Великой Октябрьской социалистической революции оказалась оторванной от нашей страны, с которой была связана вся ее экономика. Превратившись в аграрно-сырьевой придаток западноевропейских империалистических стран, продукция латвийской фабрично-заводской промышленности в 1938 г. снизилась до 56% по сравнению с уровнем 1913 г., количество рабочих уменьшилось более чем на одну треть. Тоннаж судооборота латвийских портов — Риги, Лиепайи и Вентспилса — составил в 1938 г. лишь 37% по сравнению с 1913 г. Резко сократилась численность городского населения — с 1018 тысяч человек в 1913 г. до 675 тысяч в 1935 г. Всех этих изменений Хентингтон не замечает, несмотря на относительное постоянство климатических факторов. С переходом Латвии на путь социалистического развития ее экономика вновь возрождается, и цифры ее показателей растут с исключительной быстротой. Так, например, уже к 1950 г., несмотря на жестокий ущерб, нанесенный экономике Латвии немецко-фашистской оккупацией во время Великой Отечественной войны, выработка электроэнергии возросла по сравнению с 1940 г. в 2,3 раза, добыча торфа увеличилась в 2,9 раза. Удельный вес ведущих отраслей промышленности — машиностроения, металлообрабатывающей промышленности — в общем объеме промышленной продукции в 1952 г. составлял 45% против 12,9% в 1938 г. И весь этот процесс происходил опять-таки при том же климате, температуре и влажности воздуха, которые существовали и сто, и пятьдесят, и двадцать лет назад. И если чудесный латвийский климат и имел в чем-либо решающее значение, так это в создании прекрасных курортов для трудящихся на живописном побережье Балтики.

В своей книге „Основы географии человека“ Хентингтон говорит, что он всюду придает особое значение следствиям климата с подчеркиванием также важности растительности и пищи. Именно через эти категории, утверждает он, можно будет объяснить политическую географию. Причем он тут же оговаривается, что будет касаться не столько политического разделения, сколько изучения политических отношений, внутренних и внешних, которые по Хентингтону вытекают из географического положения. В этом заявлении Хентингтон вновь подчеркивает свое преклонение перед климатом, и это уже не ново, но через него он обещает показать политические отношения между народами, которые будто бы являются порождением географической среды. Не трудно заметить, что уже в самой постановке вопроса кроется большая опасность ошибочного, неверного истолкования многих политических явлений. Мы не будем здесь вновь и вновь обвинять Хентингтона в том, что он во главу угла всех своих теоретических построений ставит географическую среду, климат, нет особой нужды говорить Хентингтону, что не географическая среда определяет образ жизни людей, в том числе и политические отношения, а способ добывания материальных благ, степень раз-

вития производительных сил, а политика в свою очередь является, как говорил великий Ленин, концентрированным выражением экономики. Лучше проследить, каким же образом конкретно объясняет Хентингтон политические явления, и в этом случае можно будет убедиться в том, как он благодаря своей зыбкой теоретической основе вынужден стать на испытанный и проторенный многими его предшественниками путь откровенной апологетики. Хотя само рассмотрение политических отношений предполагает историчность, Хентингтон вдаётся в историческое прошлое только тогда, когда это прошлое каким-то образом оправдывает то, о чем он говорит, в большинстве же случаев история отказывается быть ему помощницей, и он становится в позу вневременности (как, например, это было при рассмотрении прибалтийских республик).

Климат, основным содержанием которого являются главным образом температура, влажность, Хентингтон называет „циклоническим“. Настораживает то обстоятельство, что в условиях благоприятного циклонического климата почему-то находятся только капиталистические страны, но ни одна часть Советского Союза, который отличается самым различным климатом, не подпадает под циклонический климат. Вот заявление Хентингтона, особо характерное в смысле его подхода к истории: „В ранний, юношеский период начала веков русские, чьим центром являлась Москва, распространились по всем направлениям. Они были приостановлены только тогда, когда выступили против высокоэнергичных народов, таких, как шведы, немцы, австрийцы, которые настояли на своих частях в Польше. На востоке... русских ничего не останавливало до тех пор, пока они не встретились с действительными японцами — нацией, живущей в одном из хороших циклонических районов мира“¹. В данном высказывании ясно проступает не только незнание жизни нашей страны, но и ее истории. Отдельные, произвольно выхваченные периоды нашей истории, как явствует, нужны Хентингтону, чтобы представить русских в неблагоприятной роли завоевателей. Это уж с большой головы на здоровую. Полемицировать с Хентингтоном по поводу этого заявления нет нужды, потому что мы в сущности имеем дело с человеком, совершенно не представляющим хода истории нашей страны.

Хотя и Хентингтон обещает рассматривать (видимо, подробно) политические отношения народов, он по сути дела на протяжении всей книги специально не разбирает этого вопроса. Но это не означает, что он вовсе не говорит о политике; наоборот, о политических отношениях он говорит достаточно много. Дело в том, что он пишет об этих отношениях будто невзначай, в виде примеров, иллюстрирующих то или иное положение. Причем эти примеры, претендующие на беспристрастное освещение теоретических положений Хентингтона, строго разграничены. Если нужны положительные примеры, то они дос-

¹ E. Huntington, Principles of Human Geography, p. 563.

тавляются из жизни Соединенных Штатов или Англии или же их младших западноевропейских партнеров, если же примеры необходимы для освещения отрицательных явлений в политике, то он не жалует сил для выискивания таковых из жизни СССР, а также колониальных стран, но отчаявшись найти такие примеры, он идет на явную фальсификацию.

Основные взгляды Хентингтона, исходя из которых он рассматривает все явления в жизни, мы попытались осветить выше. Теперь же постараемся выяснить, каким же образом Хентингтон представляет жизнь народов нашей страны.

Подходя к рассмотрению жизни народов нашей страны все с той же сомнительной меркой „климатических лимитов“, Хентингтон заявляет, что Советская Россия неблагоприятно расположена, что она занимает худшую часть Европы и недоступную часть Азии. Затем он, как само собой разумеющееся, утверждает, что Россия мало вступала в контакты с большинством стран мира. Ниже Хентингтон расслаивает на две части „неблагоприятную“ территорию нашей страны. Одна часть это та, которая расположена севернее территории Соединенных Штатов Америки, что по мнению Хентингтона из-за суровости климата делает эту часть территории недоступной для возделывания сельскохозяйственных культур. Причину этого Хентингтон опять-таки видит в основном в том, что эта территория чрезмерно континентальна и не увлажняется морем. Казалось бы этот скептицизм должен был покинуть Хентингтона при рассмотрении другой части нашей страны, которая расположена южнее. Но этого ожидать не надо, ибо он уже в самом начале утверждал, что вообще наша территория расположена неблагоприятно, и поэтому Хентингтон, касаясь второй, более южной части территории нашей страны, заявляет, что и она мало благоприятствует развитию сельского хозяйства, так как она еще более континентальна и потому ее климат еще суше. Правда, здесь Хентингтон оговаривается в том смысле, что для развития сельскохозяйственных культур на помощь может прийти ирригация. Но для больших перспектив он и здесь оставляет слишком мало места, утверждая, что даже для ирригации доступна лишь малая ограниченная часть территории нашей страны. Такого рода небрежное рассмотрение территории, как выясняется ниже, необходимо Хентингтону для того, чтобы сделать следующий вывод: „Таким образом, территорий, доступных для ведения сельского хозяйства, фактически меньше, чем в Соединенных Штатах“¹. Но все это поверхностное описание и не менее поверхностный, но пужный Хентингтону вывод необходимы ему для констатации того, что сельскохозяйственное производство в России не в состоянии обеспечить прожиточный минимум сельского населения, которое по Хентингтону составляет 75% всего населения нашей страны. Все эти описательно-теоретические

¹ E. Huntington, Principles of Human Geography, p. 557.

упражнения Хентингтон венчает совершенно на его взгляд неоспоримым утверждением о том, что географические условия в нашей стране таковы, что едва могут позволить нашему сельскохозяйственному производству выдержать какое-либо сравнение с Соединенными Штатами или же со странами Западной Европы¹. Таким образом, Хентингтон не только в слишком мрачных красках рисует уровень нашего сельскохозяйственного производства, но и абсолютно не хочет видеть перспектив для его дальнейшего развития, которое в действительности неизбежно должно привести к производству сельскохозяйственной продукции, и на много больше, чем в тех же Соединенных Штатах и тем более в странах Западной Европы.

Итак, Хентингтон заявляет, что наша страна неблагоприятно расположена и, по-видимому, на его взгляд в силу таких обстоятельств мало вступала в контакты с большинством стран мира. Но как только мы обращаемся к фактам, становится совершенно ясно, что первое и следующее из него утверждение ничего общего не имеют с действительным положением вещей. Наша страна расположена на громадной территории Восточной Европы, которую Хентингтон почему-то называет худшей частью континента. При ближайшем же рассмотрении не трудно заметить, что интересующие Хентингтона „климатические лимиты“, характеризующие страны Западной Европы, не менее присущи также и Восточной Европе. Например, климатические условия скандинавских стран в общих чертах сходны с севером европейской части нашей страны. Умеренный климат, характерный для большинства стран средней Европы, не менее характерен для большей равнинной части запада СССР. Ведь все это настолько очевидно, что вряд ли можно хоть в некоторой степени достоверность такого положения вещей ставить под сомнение.

Если Хентингтон европейскую часть нашей страны называет худшей, то азиатскую часть он квалифицирует как просто недоступную и тем самым хочет уверить всех, что эта часть нашей страны на вечные времена является *terra incognita*. Он не видит ни того, что уже сделано трудящимися нашей страны для использования несметных богатств нашей страны, ни каких-либо возможностей для ее развития. Ведь признание того, что всемогущий человеческий разум все больше и больше подчиняет силы природы, неизбежно ведет к признанию несостоятельности всего географического направления в социологии, которое является пока еще в глазах реакционнейших империалистических кругов капиталистического мира ценнейшим идеологическим средством для оправдания нескончаемого развития капиталистического способа ведения хозяйства.

Азиатская часть нашей страны в силу своих климатических и физико-географических условий более трудна для освоения, чем европейская часть. Эта трудность усугублялась еще и тем, что царизм

¹ E. Huntington, Principles of Human Geography, pp. 557—558.

ничего более или менее заметного не предпринимал для серьезного развития экономики Востока, если не считать проведения Транссибирской железной дороги и мелких кустарных каменноугольных и рудных разработок на Алтае и в Казахстане. После Великой Октябрьской социалистической революции началось невиданное в истории развитие экономики Сибири, Казахстана и Средней Азии, в республиках которой темпы роста еще более превышали и без того высокие темпы развития экономики нашей страны. Приведем данные 1940 г., которые вполне могли бы быть в распоряжении Хентингтона, но он абсолютно их не использовал. Так, к 1940 г. промышленность Казахстана увеличилась почти в 20 раз по сравнению с 1913 г. За вторую пятилетку добыча нефти увеличилась почти в два раза, каменного угля более чем в пять раз, выплавка свинца в 12 раз. В Таджикской ССР, где до революции было всего лишь 200 индустриальных рабочих, выросло к 1940 г. большое количество новых мощных промышленных предприятий, на которых уже работало 29 тысяч рабочих. Такие же темпы сопутствовали развитию экономики Сибири, Урала, Дальнего Востока.

Можно ли после всего этого поверить в „недоступность азиатской части“ нашей Родины. О какой недоступности может идти речь, если Коммунистическая партия и Советское правительство в своей экономической политике делают основной упор на ускоренное развитие экономики всего обширного востока нашей страны. Доказательством этому может послужить не только ряд постановлений и решений нашей партии и Советского правительства о необходимости всестороннего развития экономики востока, но и конкретное претворение в жизнь этих решений. Весь наш восток ныне покрыт густой сетью строящихся крупнейших предприятий, число которых умножается с каждым годом. Выступая на Всесоюзном совещании молодых строителей 11 апреля 1956 г., товарищ Н. С. Хрущев говорил: „В старое время о Сибири сложили много всяких печальных песен. При царизме Сибирь была местом ссылки, каторги, поэтому Сибирью пугали людей, грубо исказили представление о земле Сибирской. А ведь земля Сибирская — эта замечательная и богатейшая земля... Наша Советская Сибирь совсем не является такой, как о ней сложилось обывательское представление. Огромные богатства лежат в ее недрах: там имеются неисчерпаемые запасы угля, различных металлов, леса и многого другого. Богатства там поистине колоссальные, так не бросать же их, не оставлять под спудом. И мы не забросим их, а будем использовать на благо советского народа, на благо нашей страны“¹.

Интересно обратить внимание на тот факт, что как только Хентингтон обращается к описанию нашей страны, тон его становится каким-то унылым, неудовлетворенным. На его взгляд у нас в стране все так плохо, так бесперспективно, что не остается хоть малого места для положительной детали в нашей жизни. И естественно, что

¹ „Правда“, 12 апреля 1956 г.

он после столь мрачных рассуждений приходит к выводу, что наша страна слаба и не может идти ни в какое сравнение со странами, подверженными „благоприятному“ влиянию циклонического климата. В своем рвении видеть во всем, что касается нашей страны, только плохое Хентингтон одну из слабостей нашей страны видит даже в наличии на территории СССР большого количества „языков и народов“. Это заявляет Хентингтон „создает элементы слабости“. Элементы слабости нашего государства мерещатся Хентингтону и в наличии границ, проходящих по равнинам, и которые он считает неопределенными; это почему-то вызывает его беспокойство¹.

Как же Хентингтон подходит к рассмотрению развития промышленности в нашей стране? Тщетны будут наши ожидания получить хотя бы отдельные общие сведения о развитии индустрии нашей страны. Здесь опять-таки Хентингтон обнаруживает совершенно произвольное обращение с казалось бы совершенно непровержимыми географическими и экономическими данными. Рассмотрим хотя бы то, как он описывает наличие важных полезных ископаемых. Тон Хентингтона становится опять брюзжащим и, взяв на этот раз в качестве положительного примера размещение полезных ископаемых в Британии, он рисует картину невосполнимой бедности нашей страны и в этом отношении. Отметив, что в Британии каменноугольные копи и железные руды находятся в непосредственной близости друг от друга и в густо населенных частях страны, Хентингтон сетует на то, что этого нельзя сказать о России. Он пишет, что в России каменноугольные копи менее богаты, чем в Англии, и расположены в разрозненных местах². Затем Хентингтон вдруг замечает, что „большинство железных рудников привозит уголь дальним путем“ и что это вызвано тем, что у нас в стране будто не имеется для таких перевозок удобных средств транспорта, таких, как Великие озера³. Как ни странно, но вышеприведенные рассуждения Хентингтону кажутся совершенно достаточными для описания размещения полезных ископаемых в СССР и он далее пытается проследить за ходом развития нашей горнодобывающей промышленности. Он отмечает, что вышеприведенные недостатки, а также то обстоятельство, что добыча угля и железа была технически много беднее оснащена, чем в других странах, являлись главными причинами того, что добыча угля и железа росла медленно⁴, причем и здесь приходится догадываться: какой исторический промежуток времени имеет в виду Хентингтон, ибо он постоянно держит читателя в стороне от времени описываемых им явлений и иногда лишь снисходит до ссылок на даты некоторых исторических фактов. В данном случае нам хочется думать, что он имеет в виду дореволюционный период раз-

¹ *E. Huntington, Principles of Human Geography, p. 558.*

² Там же.

³ Там же, стр. 157, 559.

⁴ Там же, стр. 559.

вития нашей горнодобывающей промышленности. Но вот кажется, что Хентингтон заметил чрезвычайно важное значение Великой Октябрьской социалистической революции для судеб всех народов нашей страны и понял, что эта великая историческая акция каким-то образом повлияла на развитие экономики Советской России. Но эти иллюзии рассеиваются у читателя буквально еще до того, как он успел бы дочитать тот абзац, где Хентингтон касается этого вопроса. Вот что он пишет: „Только под советским режимом стала повышаться добыча угля, нефти и других минералов и она приблизилась бы к ожидаемому уровню, если бы не было войны и революции“¹. Но даже и такое туманное признание того, что Советская власть сыграла какую-то совершенно отличную от царизма роль в деле развития экономики страны, Хентингтону показалось чрезвычайно крамольным, и он в следующем же предложении по сути дела перечеркивает все то, что он осмелился сказать о „советском режиме“. Он опять становится на более для него безопасную почву рассмотрения экономики царской России и пишет, что перед первой мировой войной российская индустрия постоянно росла, что достигалось путем больших усилий, но, говорит Хендингтон, этот рост практически исчез в период революции 1917 и 1921 гг.² Положим, что это так, но что же произошло дальше, хотя бы до 1940 г.? Ответа на этот вопрос мы уже не найдем, ибо Хентингтон, высказав вышеприведенную „мысль“, уже поставил точку. Как же можно еще объяснить такое недопустимо пренебрежительное отношение к описанию положения вещей у нас в стране, как не стремлением сознательно дезориентировать общественное мнение как Соединенных Штатов Америки, так и других капиталистических стран по отношению к нашей стране. Такого рода писания воспитывают в легковверном читателе чувство пренебрежительного, высокомерного отношения к другим государствам, народам и нациям.

Но каково положение в действительности в нашей горнодобывающей промышленности, у которой по мнению Хентингтона не может быть каких-либо горизонтов. Могучая энергия советского народа, направляемая мудрыми указаниями коммунистической партии по пути мощного подъема экономики нашей Родины, привела к тому, что уже в первые десятилетия существования Советского государства были перекрыты мизерные экономические показатели 1913 г., которые Хентингтон считает потолком нашего экономического развития.

Рост добычи угля в годы пятилеток сопровождался грандиозным размахом геолого-разведочных работ. Впервые были тщательно изучены угольные бассейны Сибири, Казахстана, Средней Азии, Дальнего Востока, Печоры. В результате этих работ выявленные запасы угля увеличились в 7 с лишним раз, а в Кузбассе — в 10 раз. В результате

¹ *E. Huntington, Principles of Human Geography, p. 559.*

² Там же.

развития восточных районов их удельный вес в общей добыче угля в СССР повысился с 12% в 1913 г. до 27% в 1932 г. и до 36% в 1940 г.

Великие достижения советского народа по созданию и развитию мощной индустрии стали возможными главным образом благодаря победе социалистических производственных отношений. Географические же условия в каждом отдельном случае используются советскими людьми для успешного решения экономических задач.

Еще более показательны рассуждения Хентингтона о сельском хозяйстве. Он начинает с заявления, о том, что рост населения обгоняет рост возделываемых площадей, и чтобы читатель не подумал, что это положение можно выправить путем увеличения культурных земель, Хентингтон тут же предостерегает от такого вывода и заявляет, что это никак не может спасти положение, что новые земли не в состоянии удовлетворить своими благами растущее в количественном отношении человечество. После всего этого уже не является неожиданностью его заявление о том, что „перенаселенность среди сельскохозяйственной части общества — одно из больших проклятий мира“¹. Отдав, таким образом, дань мальтузианству, Хентингтон дальше пишет о нашей стране, что в прошлые времена короткий полевой сезон и примитивные сельскохозяйственные орудия делали невозможным обработку новых земель. А каково положение сейчас? Теперь же оказывается у нас в стране ощущается острая нехватка новых земель, пригодных для эффективного использования. Но, допускает Хентингтон, если в России будет применяться сельскохозяйственная техника, то это позволит увеличить сельскохозяйственную продукцию; но он тут же подчеркивает ненужность такого предположения — ведь он уже утверждал, что как бы ни увеличивалась площадь возделываемых земель, продукция, рождаемая ею, не сможет обеспечить население, количество которого „катастрофически“ растет. Кроме того, продолжает Хентингтон, нужна ли техника в России, если там климат и так холодный, сухой, почвы заболочены и бедны?² Придя окончательно к такому выводу, Хентингтон далее пытается описать занятость крестьян в течение года. Он заявляет, что другим крупным затруднением России является недостаточность работы для сельскохозяйственного населения. Этому причиной, мол, то, что значительная часть России расположена севернее США, кроме того здесь зимы долгие и суровые. Из всего этого Хентингтон делает вывод, что наши крестьяне в течение шести месяцев в году или крайне мало заняты работой, или вовсе не работают, разве только изредка рубкой дров³. Рассуждая таким образом и пытаясь описать быт наших крестьян, о котором он не имеет никакого представления,

¹ *E. Huntington, Principles of Human Geography, p. 560.*

² Там же, стр. 561.

³ Там же, стр. 562.

Хентингтон скатывается до примитивно-обывательской клеветы на наших людей, заявляя что 75% русских проводят пять-шесть месяцев зимы во сне, еде и беседе. Это, говорит далее Хентингтон, приводит к тому, что к началу весенних полевых работ крестьяне бывают слабыми и поэтому, мол, их труд и в дальнейшем мало производителен¹. Подобного рода инсинуации не новы для Хентингтона. Вот что он писал еще в начале тридцатых годов в книге „Экономическая и социальная география“: „При свойственной России длинной суровой зиме практически русский крестьянин в течение шести месяцев ежегодно живет в условиях вынужденного безделья. Затем к началу весенних работ мужчины, сильно изнеженные от недостатка работы в течение зимы, очень быстро утомляются, хотя они и обрабатывают очень небольшие участки земли. Такая жизнь в сильной степени способствует придушению инициативы и поощряет бездеятельность“². Нужно ли с Хентингтоном полемизировать по этим явно клеветническим заявлениям, если чуть ли не всем известно, что крестьяне зимой заняты далеко не только рубкой дров, и если он имеет в виду понижение интенсификации сельскохозяйственных работ зимой, то разве это секрет, что этот „порок“ присущ в той или иной степени крестьянам всего мира, в том числе и фермерам США. Кроме того, если Хентингтон не удосужился перед выпуском своей книги ознакомиться с основными показателями положения в нашем сельском хозяйстве, то мы восполним этот пробел, приведя эти данные, ознакомившись с которыми станет совершенно ясно, что, говоря все вышеприведенное, Хентингтон умышленно создает такое впечатление, будто в русской деревне с прошлого века не произошло абсолютно никаких изменений. Между тем, в результате победы социализма в сельском хозяйстве, СССР из страны мелкого крестьянского хозяйства превратился в страну крупного колхозного земледелия. Это видно из следующих данных. Вместо 23,7 миллиона крестьянских хозяйств, со средним размером посева около 4 га, к 1940 г. насчитывалось 242,4 тыс. колхозов со средним размером посева 484,6 га. Создан был также 3691 совхоз, средний размер посевной площади которых достиг 2691 га. И это в то время, как к тому же 1940 г. в США в среднем на одно хозяйство приходилось 20,2 га посева, а большая часть крестьянских хозяйств в буржуазных странах имеет значительно меньший размер. Что касается сельскохозяйственной техники, то с 1933 до 1938 гг. число тракторов увеличилось более чем в два раза, комбайнов в шесть раз, а грузовых автомобилей в семь с лишним раз. В МТС в 1938 г. было 394 тыс. тракторов с общей мощностью 7437 тыс. лошадиных сил. Сельское хозяйство СССР имело к 1940 г. сотни тысяч различных сельскохозяйственных машин — тракторных плугов, сеялок, культиваторов, сложных молотилок, льнотеребилков, свеклокопателей и т. д. Все это,

¹ E. Huntington, Principles of Human Geography, p. 562.

² См. „Буржуазная география на службе американского империализма“, стр. 80—81.

несмотря на отрицательные советы Хентингтона, позволило с каждым годом увеличивать площади возделываемых земель. Так, вся посевная площадь нашей страны расширилась со 105 млн. га в 1913 г. до 136,9 млн. га в 1938 г. Значительно увеличилась сельскохозяйственная продукция, урожайность полей и продуктивность животноводства.

В послевоенный период под руководством коммунистической партии и Советского правительства наше колхозное крестьянство добилося еще более значительных успехов. Развитие социалистического сельского хозяйства шло не только по пути непрерывного увеличения сбора сельскохозяйственной продукции с существующих площадей, но и резкого увеличения возделываемых площадей. Освоение целинных и залежных земель на обширных, богатых полезными землями пространствах Сибири, Казахстана, Урала, Поволжья позволило нашей стране резко увеличить производство сельскохозяйственных культур, в особенности зерновых. Так, освоение целинных и залежных земель позволило значительно расширить площади под зерновыми культурами. В 1950 г. зерновые культуры занимали в СССР 102,9 млн. га, а в 1955 г. — 126,4 млн. га. Значительные успехи, достигнутые социалистическим сельским хозяйством, в частности благодаря решениям пленумов ЦК КПСС последних лет, — яркое свидетельство того, что, несмотря на всякого рода наговоры и клевету идеологических приспешников реакционных кругов Запада, сельское хозяйство нашей страны из года в год наращивает темпы роста, давая все больше продукции. И большой прирост населения далеко не „проклятие“ для нашей страны, а, наоборот, отрадное явление, поощряемое партией и правительством и более всего свидетельствующее о все большем улучшении жизни советских людей.

В своих книгах Элсуорт Хентингтон касается экономики и образа жизни почти всех народов и стран мира. Но подход к ним такой же беспринципный, какой нами проиллюстрирован на вышеприведенных примерах. Ознакомившись с „творениями“ ученых типа Хентингтона, становится совершенно ясным тот факт, что все надуманные ими „научные“ системы искусственно подгоняются для оправдания изживающей себя капиталистической системы.